

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ КАК ИНСТИТУТА ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Георгий АРИКОВ

Молдавский государственный университет

Каждое государство самостоятельно определяет границы неприкосновенности частной жизни, устанавливает правовое обеспечение реализации и конституционно-правовой защиты данного субъективного права, но в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права отношение к правам и свободам человека не является исключительным внутренним делом отдельного государства. В данной статье неприкосновенность частной жизни рассматривается как самостоятельный институт личной неприкосновенности. Тщательно анализируя вопросы соотношения интересов государства и отдельного индивида, автор приходит к выводу, что в целом отношения между людьми в сфере частной жизни исторически регулировались исключительно нормами нравственности, что является абсолютно оправданным и в настоящее время. По мнению автора, и на современном этапе частная жизнь лица нуждается не в регулировании со стороны государства, а только в защите.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, личная неприкосновенность, тайна.

ANALIZA ISTORICĂ A INVIOABILITĂȚII VIEȚII PERSONALE CA INSTITUT AL INVIOABILITĂȚII PERSONALE

Orice stat stabilește de sine stătător hotarele inviolabilității vieții personale, asigură prin intermediul instrumentelor constituționale realizarea eficientă a acestui drept subiectiv. Însă, ținând cont de principiile unanim recunoscute și de normele dreptului internațional, rămâne de menționat că statul nu are împuterniciri exclusive în relația cu drepturile și libertățile fundamentale ale omului. În cadrul acestui articol inviolabilitatea vieții personale este examinată ca fiind institut separat al inviolabilității persoanei. Analizând cu minuțiozitate problemele privind corelația dintre prioritățile statului și ale unui individ, se ajunge la concluzia că relațiile interpersonale pe parcursul perioadei istorice au fost reglementate prin normele morale, fapt ce rămâne absolut justificat și astăzi. În opinia autorului, la etapa contemporană viața privată a individului necesită doar protecție din partea statului și nu reglementare.

Cuvintele-cheie: viața privată, inviolabilitatea vieții private, inviolabilitate persoanei, taină.

HISTORICAL ANALYSIS OF THE INVIOABILITY OF PRIVATE LIFE AS THE INSTITUTION OF PERSONAL INVIOABILITY

Every State determines independently the limits of inviolability of private life, establishes the legal cover of constitutional protection and realization of this subjective right. At the same time, in accordance with the fundamental legal principles and norms of the international law only the State cannot have an exclusive prerogative upon the rights and liberties of its citizens. In this article the inviolability of private life is regarded and treated as an independent institute of personal inviolability. Being submitted to a careful and detailed analysis of the questions regarded the correlation between the state and a private person, the author comes to a conclusion that, in general, the relationships between the individuals in the sphere of private life historically have been regulated exclusively by norms of morality, which is absolutely justifiable for nowadays. By the author's opinion, in modern times private life needs to be protected by the State, but not regulated.

Key-words: private life, inviolability of private life, personal inviolability, secret.

Проблема прав и свобод личности, ее взаимоотношений с обществом и государством представляет собой одну из сложнейших в теории и практике человеческого общежития. В самом общем виде ее содержание составляют как права и их гарантии, предоставляемые обществом человеку, так и обязанности человека.

Идеи правовой государственности неразрывно связаны с попыткой разрешения противоречия интересов отдельного человека и интересов государства, при этом приоритет отдается первым.

Уместно отметить, что каждое государство самостоятельно определяет границы неприкосновенности частной жизни, устанавливает правовое обеспечение реализации и конституционно-правовой защиты данного субъективного права, однако, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, отношение к правам и свободам человека не является исключительно внутренним делом отдельного государства.

На сегодняшний день, исходя из смысла ч.(1) ст.25 Конституции Республики Молдова, *право на свободу и личную неприкосновенность нарушаемо* [7]. В то же самое время, анализируя ст.28 Конституции, обнаруживаем, что *государство уважает и охраняет интимную, семейную и частную жизнь*.

Оговоримся, что факт законодательного закрепления системы юридических гарантий еще не является свидетельством качественного обеспечения прав человека. Очевидно, что без защитных механизмов эти конституционные положения будут декларативными. Бесспорно, что законодатель закрепляет в своих нормах механизмы охраны прав человека вместе с системой гарантий, но также бесспорен и тот факт, что это закрепление статично. Динамика же указанного механизма немыслима без деятельности правоприменения, правосознания и правовой культуры населения, поэтому важны как механизмы реализации конституционных положений, так и механизмы их защиты. Эти вопросы тем более актуальны в настоящее время, так как история свидетельствует о многочисленных нарушениях прав человека, связанных, в частности, и с его личной жизнью.

Отметим, что *права человека* – это такие права, которые принадлежат каждому, независимо от его гражданской принадлежности.

В современной юридической науке права человека все чаще рассматриваются как *естественные, имеющие отношение к человеку как существу биологическому, отражающие постоянство основополагающих качеств человеческого рода* [2, с.8-9]. Российский ученый М.Ю. Авдеев справедливо отмечает: *«В каждом обществе существуют понятия справедливости, достоинства и уважения. Права человека являются лишь одним из средств обеспечения определенной концепции социальной справедливости»* [1].

Подчеркнем, что эти права существуют независимо от конкретных этапов развития общества и от законодательных норм. Они обладают высшим социальным статусом, выступая внешним критерием оценки любой политико-правовой организации общества. Именно приоритет прав человека над различными корпоративными, классовыми и государственными интересами рассматривается сегодня как важнейший принцип правовой государственности.

В свою очередь, ослабление гарантий прав человека, непринятие мер по пресечению их нарушения или по их восстановлению, посягательства на основные права человека чреваты смещением ценностных ориентиров общества, перерождением государственной власти в целом. Так, П.В. Анохин отмечает: *«Природа государства трансгрессивна: оно практически всегда обнаруживает склонность своих властных прерогатив к самовозрастанию и расширению полномочий, в интересах же общества, напротив, максимальное ограничение государственной власти, недопущение с его стороны произвола и ограничение его вмешательства в сферу частных интересов»* [2, с.3]. Цитируемый автор указывает, что сводить проблему построения правовой государственности лишь к вопросу о защите прав граждан от государственных «притязаний», значит существенно примитивизировать в достаточной степени сложную проблему соотношения государственных и частных интересов.

Итак, применительно к современной правовой культуре в соотношении государственных интересов и прав человека можно контурировать три основных аспекта:

- *во-первых*, абсолютизация принципа приоритета прав человека создает угрозу формирования и распространения в обществе позиции *крайнего индивидуализма*;
- *во-вторых*, с позиции безусловной абсолютизации принципа приоритета прав человека зачастую полностью игнорируется факт наличия общественных и государственных интересов, которые в определенных условиях могут становиться *приоритетными*;
- *в-третьих*, следует учитывать свойственный отечественной правовой культуре *приоритет общественного интереса над частным*.

П.В. Анохин подчеркивает, что рассматривая механизм соотношения интересов личности (частных интересов) и интересов государства (публичных интересов) следует сделать вывод о том, что их взаимодействие предполагает неизбежный (обусловленный диалектикой социального развития) конфликт части и целого (отдельного субъекта и общества в целом) [2, с.3-4].

Право на личную неприкосновенность, предусмотренное ст.3 Всеобщей декларацией прав человека ООН [5], является основным, неотчуждаемым правом, вместе с тем оно не относится к правам, которые остаются неизменными по своему объему, то есть не могут быть расширены или ограничены.

Поскольку наше государство обладает статусом правового, то нередко возникают ситуации, когда свобода лица при необходимости должна уступать место неким иным интересам общества.

Термин *«неприкосновенный»* предполагает сохраняемый в целостности; защищенный от всякого посягательства со стороны кого-нибудь; не прикасающийся; не трогающий чего; непричастный; кого или чего не должны касаться, нельзя трогать; не подлежащий чьему-либо ведению, власти [10].

В юридической литературе обосновывается объективная потребность личности в безопасном существовании, вызывающая необходимость обеспечения ее личной неприкосновенности, которая в государственно организованном обществе приобретает характер субъективного права [8, с.3].

Личная неприкосновенность как состояние человека предполагает также состояние, при котором обеспечиваются его физическая защищенность, индивидуальная свобода, психика и нравственность от недопустимого внешнего воздействия, тогда как неприкосновенность условий существования человека (жилища, частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки и т.п.) означает запрет посягательств на вышеуказанные ценности.

По мнению А.А. Опалевой, право на личную неприкосновенность может быть рассмотрено как единство четырех правомочий личности:

- 1) возможность быть огражденной от незаконного ограничения физической неприкосновенности, индивидуальной свободы и духовной неприкосновенности личности (недопустимость такого ограничения);
- 2) возможность беспрепятственно пользоваться свободой от неправомерных посягательств на личную неприкосновенность;
- 3) возможность требовать от других лиц не нарушать ее неприкосновенность;
- 4) возможность прибегать к государственной защите в случае посягательств на ее неприкосновенность [8, с.9].

Поясним, что конституционные пределы права на личную неприкосновенность (право на жизнь, телесная неприкосновенность, честь и достоинство) относятся к физической и духовной неприкосновенности. Очевидно, что физическая и духовная неприкосновенность личности не могут быть изменены в своем объеме. Вместе с тем объем такого важнейшего объекта неприкосновенности, как индивидуальная свобода, составляющая основу волевой неприкосновенности, в установленных законом случаях может быть ограничен. Следовательно, с полным основанием можно говорить об ограничениях в сфере личной неприкосновенности лишь относительно индивидуальной свободы.

Применительно к проблеме соотношения права на личную неприкосновенность и интересов общественных следует подчеркнуть, что в целом отношения между людьми в сфере частной жизни регулируются нормами нравственности. Каждый человек свободен в общении с другими людьми за пределами службы или учебы. Он волен сам для себя определять, в зависимости от личных симпатий и привязанностей, с кем ему общаться, когда уединяться и т.д. Как справедливо отмечает российский учёный М.Ю. Авдеев, *«в каждом обществе существуют понятия справедливости, достоинства и уважения. Права человека являются лишь одним из средств обеспечения определенной концепции социальной справедливости»* [1].

В то же время Д.В. Бушков подчеркивает, что общественная и личная сферы существования человека неотделимы друг от друга и образуют своеобразное единство человеческой личности [4, с.1].

На современном этапе, несмотря на принятие законов и введение иных форм защиты, нарушение частной жизни по-прежнему остается актуальной проблемой. Во многих странах законодатели «не поспевают» за техническим прогрессом, что ведет к появлению больших пробелов в области защиты прав человека, в частности – в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни.

Право на неприкосновенность частной жизни в том виде, в каком мы его сегодня воспринимаем, было теоретически осмыслено и законодательно закреплено в XX веке, поэтому в литературе обычно подчеркивается современный характер такого права [3, с.76]. Хотя одним из первых мыслителей, который попытался отграничить *«частное»* и *«общественное»*, был Аристотель, разделявший сферу общественную (политическую) и сферу частную, к которой он относил семью и личную жизнь [10].

Если же обратиться к историко-правовому анализу становления права неприкосновенности частной жизни, то, конечно, обнаружится, что такое право отсутствовало в древности, в европейском средневековье и даже в начале Нового времени. Однако защищаемые таким правом личное достоинство и

безопасность являются фундаментальными человеческими ценностями, которые с незапамятных времен определяли социальный статус свободного человека (полноправного члена свободного рода, племени, народа).

Древнейшие своды законодательств – законы царя Хаммурапи XVIII в. до н.э., законы Ассирии XV в. до н.э. – закрепляли норму, которая защищала человека от клеветы [11, с.10]. Наиболее древней формой нарушения неприкосновенности частной жизни является подглядывание и подслушивание.

Так, в соответствии с Законами Хаммурапи, царя Вавилона, недоказанность обвинения влекла наказание обвинителя. Клеветник, то есть обвинитель, не смогуший доказать верность своего обвинения, подвергался такому же наказанию и позору, какие грозили обвиняемому. В подтверждение приводим фрагмент текста законов Хаммурапи:

«§1. Если человек станет обличать под клятвой человека, бросив на него обвинение в убийстве, и не докажет этого, то обличавшего его должно убить».

§2. Если человек бросит на человека обвинение в чародействе и не докажет этого, то тот, на кого брошено обвинение в чародействе, должен пойти к Реке и броситься в нее. Если Река овладеет им, то обличавший его может забрать его дом; а если Река этого человека очистит и он останется невредим, то того, кто бросил на него обвинение в чародействе, должно убить; бросавшийся в Реку получает дом обличавшего его».

§3. Если человек выступит в судебном деле для свидетельствования о преступлении и не докажет сказанных им слов, то, если это судебное дело о жизни, этого человека должно убить» [11, с.10].

По данным М.Ю. Авдеева, в 44 в. до н.э. во второй филиппике (памфлете) против консула Марка Антония Цицерон утверждал: *«Этот человек, совершенно невоспитанный и не имеющий понятия о взаимоотношениях между людьми, даже огласил письмо, которое я, по его словам, прислал ему. В самом деле, какой человек, которому хоть в малейшей степени известны правила общения между порядочными людьми, под влиянием какой бы то ни было обиды, когда-либо предал гласности и во всеулышание прочитал письмо, присланное ему другом? Не означает ли это устранять из жизни правила общежития, возможность беседовать с друзьями, находящимися в отсутствии?»* [1].

Позднее, знаменитые Римские законы XII таблиц V века до н.э. устанавливали смертную казнь за небольшое число преступных деяний и в том числе считали необходимым применение ее в том случае, когда *кто-нибудь сложит или будет распевать песню, содержащую клевету или опозорение другого* [11, с.51-52].

Таким образом, правовой институт защиты чести и достоинства личности можно признать древнейшим, что представляется вполне логичным, поскольку общественная оценка человека – его доброе имя – является основой любого сообщества.

Неприкосновенность человеческого жилища также носила характер сакрального табу. В Древнем Риме семейный очаг охраняли «исконные», особо почитаемые римлянами божества – лары и пенаты. Законы XII таблиц содержали явно восходящую к древнему обычному праву норму, согласно которой, если совершавший в ночное время кражу был убит на месте, убийство его считалось правомерным.

Врачевание, вероятно, первая профессия, служители которой, постоянно имея дело с личными и семейными тайнами, были обязаны их не разглашать. Так, знаменитая клятва Гиппократова содержит следующее положение *«...что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной»* [6]. Интересным представляется следующее дополнение: *«при лечении, а также без лечения»*. Ведь врач вхож в дом и может узнать многое из того, что скрыто от посторонних глаз стенами жилища.

Еще одной профессиональной корпорацией, члены которой посвящены в частные дела других лиц, издавна были адвокаты (поверенные, как их раньше называли). Соответственно, и адвокатская тайна – древний правовой институт, защищающий интересы доверителей и само доверие как социальное условие профессии.

С XIII века к врачам и адвокатам в качестве профессионалов, постоянно работающих с персональными данными и обязанных блюсти тайны своих клиентов, присоединились христианские священники. С ускорившимся в эпоху позднего средневековья развитием европейских городов в них утвердилось каноническое правило индивидуальной ежегодной исповеди. Вместе с тем утвердилась тайна

исповеди, соблюдая которую священник обязывается хранить и тайну личной жизни исповедующегося [3, с.76-77].

Уже в Салической Правде обозначились две категории преступлений, посягавших на честь, достоинство и доброе имя лица. Так, в соответствии с разделом XVIII (О том, кто обвинит перед королем безвинного человека) «если кто обвинит перед королем безвинного человека в отсутствие последнего, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол. А если возведет на него такую вину, за какую в случае подтверждения обвинения следует смертная казнь, то обвинитель присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.» [11, с.70]. В разделе XXX (Об оскорблении словами) была предусмотрена ответственность за следующие деяния: «§ 1. Если кто назовет другого уродом, присуждается к уплате 3 сол. § 3. Если кто – мужчина или женщина – назовет свободную женщину блудницей и не докажет этого, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол. § 5. Если кто назовет другого зайцем, присуждается к уплате 3 сол. § 6. Если кто обвинит другого в том, что он бросил (в сражении) свой щит, и не сможет доказать, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол. § 7. Если кто назовет другого доносчиком или лжецом и не сможет доказать, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.» [11, с.72-73].

Когда началось становление правового института тайны переписки – неясно. Во всяком случае, в Древнем Риме запрещалось без разрешения распечатывать частные письма, в том числе в рамках судебного процесса. Кстати говоря, почта в Древнем Риме в эпоху Республики возникла и работала как сеть частных предприятий, которые создавались представителями предпринимательского сословия «всадников» [3]. Такая почта работала на доверии клиентов и должна была его поддерживать. Государственная же почта практически всегда была связана с выборочной перлюстрацией переписки.

Перлюстрация корреспонденции в целях полицейского надзора, разведки и контрразведки в Европе осуществлялась по образцу, созданному во Франции в начале XVII века. Вызывавшая интерес у кардинала Ришелье переписка просматривалась специалистами переписчиками и дешифровщиками, составлявшими штат знаменитых «черных кабинетов». Впрочем, знаменитыми они стали уже чуть позднее, а в период расцвета – с XVII до середины XIX века – их деятельность держалась всеми представительскими в секрете, дабы не подорвать доверия к официальной почте [3].

Позднее Дж.Локк первым связал воедино три элемента: представление о естественных правах каждого человека на жизнь, здоровье, свободу и собственность; идею государства в качестве необходимого условия реализации естественных прав человека; принцип разделения властей в качестве необходимого условия исполнения государством своего правового предназначения. Великая в своей практичности концепция Локка воплотилась в конституционном прецеденте – английском «Билле о правах» 1689 года.

Английский образец вдохновлял авторов Декларации о независимости США 1776 года, Вирджинской декларации прав и конституций других штатов, Конституции США 1787 года и Билля о правах (1789-1791гг.) [11, с.193-195], вскоре включенного в состав Конституции. Гарантируя неприкосновенность личности и имущества, Билль устанавливал, что обыски и аресты могут производиться только по предъявлению ордера, выдаваемого судебными властями при наличии «основательных причин».

Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года [11, с.205-207] провозгласила целью всякого политического союза обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека, полагая таковыми свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Правовое обеспечение государством свободы, собственности и безопасности граждан включало и защиту неприкосновенности частной жизни, что было подтверждено и развернуто в последующих законодательствах развитых стран, а также в решениях Верховного суда США. Так, в Конституции США 1787 г. непосредственно не содержится норм о личных правах граждан. Они закреплены, в основном, в поправке IV к Конституции, в числе других предложенной Конгрессом США в 1789 г. и ратифицированной в 1791 г. (Билль о правах). Непосредственные конституционные нормы в США регламентируют защиту личности прежде всего от необоснованных, неправомерных действий органов самого государства. Вместе с тем, США последующими законодательными актами и имеющими нормативную силу судебными прецедентами создали довольно продуманную и реально действующую систему обеспечения реализации и защиты личных прав и свобод, в том числе информации о частной жизни.

Законодательство, как системное образование, предусматривающее не только систему запретов, но и ответственность за разглашение частных (личных) данных, стало появляться только в XIX веке. В XX веке широко распространилось убеждение, что эффективная международная защита прав человека является одним из важных условий международного мира и прогресса [12, с.19].

Следует отметить, что личная жизнь советских людей отнюдь не была защищена от вмешательства партийно-государственных органов, людей могли всячески преследовать, но это вмешательство было именно государственным. Применительно к данному весьма деликатному аспекту уместно привести мнение украинских авторов Р. Подкура и В. Ченцова, указавших: «Мы не имеем морального права осуждать людей, попавших в систему советского террора. Ставшие известными из архивных документов методы допросов, унижений, манипуляций ужасают цивилизованного человека. Для личного выживания и собственной семьи люди шли на сделку со своей совестью» [9, с.11]. Цитируемые авторы подчеркнули, что информация о личности представляла собой совокупность документированных или публично оглашенных сведений. Используя метод микроистории, исследование конкретной человеческой судьбы, ученые раскрывают методы государственного террора, комплекс государственных мероприятий воздействия на личность и ее окружение, формирования заданного мировоззрения [9, с.11].

Однако корыстное использование должностными лицами полномочий по сбору и хранению информации о гражданах в советской системе каралось. Возможность корыстных злоупотреблений должностных лиц в этой области ограничивалась не только законом, но также действовавшими процедурными правилами, партийным контролем и общей государственной дисциплиной.

Подводя итог проведенному историко-правовому анализу права на неприкосновенность частной жизни, можем контурировать несколько исторических этапов обеспечения неприкосновенности частной жизни как института личной неприкосновенности:

1) Обеспечение личной, прежде всего физической неприкосновенности посредством личной физической силы и силы рода. Этот этап характеризуется абсолютным неравенством в личной неприкосновенности в целом и в неприкосновенности частной жизни, обусловленным неравенством физических сил (физическое неравенство при социальном равенстве).

2) Обеспечение личной неприкосновенности, в том числе неприкосновенности частной жизни, включающее в себя как физическую силу, так и силу социальной власти. На данном этапе развития родового общества возникают зачатки волевой и духовной неприкосновенности, материализующиеся в первичных ограничениях во вмешательство в область частной жизни, формируются привилегии личной неприкосновенности, связанные с выполнением властных функций.

3) Обеспечение личной неприкосновенности, включая и обеспечение неприкосновенности частной жизни, посредством правовых средств, которые закрепляют неравенство в личной неприкосновенности, обусловленное сословными или классовыми привилегиями.

4) Обеспечение неприкосновенности частной жизни как самостоятельного института личной неприкосновенности, равной для всех членов общества. Привилегии и иммунитеты в этой области связываются не с социальным положением личности, а с естественной и неотчуждаемой природой права на неприкосновенность частной жизни. Этот этап соответствует уровню правового государства, когда неприкосновенность частной жизни как институт личной неприкосновенности приобретает характер субъективного права личности, не только признаваемого и декларируемого государством, но и реально обеспечиваемого им.

Библиография:

1. АВДЕЕВ, М.Ю. Конституционно-правовые гарантии реализации права на неприкосновенность частной жизни. www.law-n-life.ru/arch/146/146-8.doc (Дата посещения: 25.01.2013).
2. АНОХИН П.В. Государственные интересы и права человека: соотношения и приоритеты / Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; История правовых учений. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001.
3. АФАНАСЬЕВА, О.В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных. В: *Общественные науки и современность*, 2011, №6.

4. БУШКОВ, Д.В. *Тайна личной корреспонденции в уголовном праве* / Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003.
5. Всеобщая Декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года. Республика Молдова присоединена Постановлением Парламента Республики Молдова № 217-ХП от 28.07.1990. В: *Официальный Бюллетень Республики Молдова*, 1990, № 008.
6. *Клятва Гиппократа*. <http://www.gippokrat.uz/klyatva-gippokrata/klyatva-na-russkom> (Дата посещения: 28.02.2013).
7. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994. В: *Официальный Монитор Республики Молдова*, 1994, №.001.
8. ОПАЛЕВА, А.А. *Институт личной неприкосновенности (теоретико-правовые проблемы)* / Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве. Москва: Академия Управления МВД России, 2008.
9. ПОДКУР, Р., ЧЕНЦОВ, В. *Документы органов государственной безопасности УССР 1920-1930-х годов: источниковедческий анализ*. – Тернополь: Национальная Академия наук Украины. Отдел по разработке архивов ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, Издательство «Збруч», 2010.
10. ТЕПЛЫХ, Л.В. *Лексикон по теме «Продвижение права на неприкосновенность частной жизни в России»*. <http://www.pgpalata.ru/reshr/privacy/lexicon.shtml> (Дата посещения: 13.03.2013).
11. *Хрестоматия по всеобщей истории государства и права*. Под ред. проф. З.М. Черниловского. Москва: Гардарика, 1996.
12. ШАХОВ, Н.П. *Теоретико-правовые основы функции обеспечения государством права на неприкосновенность информации о частной жизни* / Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2008.

Prezentat la 21.01.2013